
О СЮЖЕТНОМ СОСТАВЕ АРМЯНСКИХ СКАЗОК

С. А. ГУЛЛАКЯН

«На берегах Ванского озера можно услышать те же сказки с теми же подробностями, что и у берегов Волги и Дуная» — эти слова известного этнографа и фольклориста Г. Халатьянца из его «Общего очерка народных армянских сказок» (1885 г.), первого опыта сравнительного анализа армянского сказочного репертуара, можно поставить эпиграфом к настоящей статье. Очерк Г. Халатьянца, собственно, посвящен доказательству этого тезиса. Уже первые исследователи пытались охарактеризовать армянский репертуар, сопоставляя его с фольклором других народов, широко привлекая известные мотивы и сюжеты. Так, Халатьянец извлекал из армянских сказок те персонажи и мотивы, которые имели параллели в славянских, немецких, грузинских, мингрельских, татарских, монгольских и других сказках. Понятие «сюжет» не вводилось Халатьянцем. При сравнительном анализе он сопоставлял одну сказку с другой, последовательно излагая ход событий. Другого способа выявить сюжетный состав национального репертуара тогда не существовало.

Задачи сравнительного изучения армянских сказок, характеристики типичных персонажей, мотивов и сюжетов, поставленные Г. Халатьянцем и частично решенные им, не потеряли своей актуальности и тридцать лет спустя, когда появились «Очерки по мифологии армянских сказок» М. Шагинян («Армянский вестник», 1917, №№ 17, 18, 21, 23, 25). Материалом для «Очерков» послужили тексты, опубликованные в конце XIX—начале XX вв. в сборниках Г. Срвандзтяна, Т. Навасардяна, С. Айкуни, Е. Лалаяна.

Охарактеризовав содержание и персонажи армянских сказок, М. Шагинян не могла обойти вопрос о фольклорных параллелях. Вслед за первыми публикаторами и исследователями она тоже отмечает «узлы перекрестных влияний, повторения общеевропейских фабул, черты, наложенные соседством мусульманского Востока».

Сходство армянских сказок со сказками других народов определяется в «Очерках» в общих чертах. Из-за неимения точного научного критерия М. Шагинян, выявляя сходство для разных уровней содержания, таких, как мотивы, эпизоды, сюжеты, приходится прибегать к весьма приблизительным определениям. Подчеркнув, что «ни одной армянской сказки нельзя прочесть без того, чтобы не вспомнить такую же европейскую», исследовательница указывает на известные ей параллели и пользуется простыми сравнениями: в одном случае сопоставляются сюжеты в целом, в другом — отдельные мотивы.

Первым опытом научного определения фольклорных параллелей стал комментарий в сборнике «Армянские сказки» (на русском языке, 1933 г.), выполненный Н. П. Андреевым, который идентифицировал армянские сказки по каталогу Аарне-Андреева и по известным сказочным сборникам. Идентификация лишь сорока сюжетов была явно недостаточная для характеристики армянского сказочного репертуара, тем более для определения своеобразия армянских сказок. Но работа, начатая Н. П. Андреевым, была продолжена. Указателя сюжетов

нет ни в армянском сборнике А. Ганалаяна, вышедшем в 1950 г. (в русских сборниках 1965 г. и 1983 г. он повторяет фольклорные параллели Андреева), ни в многотомном издании АН Армянской ССР.

Значение типологического анализа для изучения национального репертуара указано И. Г. Левиным: «Само соотнесение сюжета с повествовательным типом, имеющим ... свою географию и историю, уже определяет место и своеобразие текста в региональном и, далее, в мировом сказочном репертуаре»¹.

Задача типологического анализа бытующих на армянском языке сюжетов сохраняет свою актуальность по сей день. В какой-то мере призван решить эту задачу составленный нами «Указатель сюжетов армянских волшебных и новеллистических сказок» (Ереван, 1990 г.). По Указателю Аарне—Томпсона идентифицировано около 600 текстов: каждый сюжет в его армянской интерпретации обрел свое место в этой системе и, следовательно, может быть учтен в международной фольклористике. Разумеется, данный Указатель охватывает ограниченный материал и в количественном отношении, и в жанровом. Однако он может явиться основой для дальнейшей работы и уже сейчас вводит армянские сказки в научный оборот. А главное — Указатель позволяет ответить на ряд вопросов, представляющих серьезный научный интерес: каков сюжетный состав исследованной части армянского репертуара, какова распространенность отдельных сюжетов, есть ли среди них характерные армянские версии, какие специфические контаминации встречаются в армянском репертуаре. Но сначала надо выяснить — достаточно ли репрезентативна совокупность текстов, послужившая источниковой базой для Указателя, и могут ли считаться корректными полученные на ее основе выводы. Дело в том, что тексты не отобраны произвольно: это волшебные и новеллистические сказки, напечатанные в 10 томах академического издания (Ереван, 1959—1979) и в ряде самых значительных дореволюционных сборников.

В томах «Армянских народных сказок» собраны тексты из ряда досоветских изданий, из неопубликованных архивов собирателей, из материалов экспедиций, организованных в последние десятилетия. Тексты расположены по этнографическим, географическим регионам, что объясняется особенностями исторических судеб армянского народа и состоянием архивных материалов, которые с самого же начала, с первых записей носили региональный характер. Большая часть свода состоит из записей выдающегося этнографа и фольклориста Ерванда Лалаяна (1864—1931) и членов его экспедиций. Среди собирателей, представленных в своде не единичными записями, а целыми коллекциями, — С. Айкуни (1838—1908), Т. Навасардян (1861—1927), А. Бахатрян (1848—1883), Н. Мартиросян (1877—1942), А. Мхитарян (1846—1916), С. Мовсесян-Бенсе (1867—1939), М. Григорян-Спандарян (1906—1975). Немало текстов записано сотрудниками Института археологии и этнографии АН Армянской ССР.

Из дореволюционных сборников — «Манана» и «Хамов-хотов» Г. Срвандзтяна (1875 г. 1884 г.), «Саз Вана» Г. Шеренца (1886 г.), «Духовная жизнь тифлисцев» Г. Тер-Александряна (1885), «Эминского этнографического сборника» (1901 г.), «Жемчужины армянского фольклора» (1914—1915 гг.) — взято 98 текстов. Все эти издания — наиболее значительные и научно достоверные сборники конца XIX — начала XX вв. Культурно-историческое значение этих сборников несомненно. С одной стороны, они показывают состояние армянской фольклористики в тот период, ее понимание роли и значения народного творчества, с другой — фиксируют немалое количество фольклорных текстов, представляя тем самым ценнейший документ своего времени.

В целом же отобранные тексты по территориальному охвату (Ереван, Тбилиси, Баку, Ван, Шуша, Леникан, Муш и другие города, а

¹ Осетинские народные сказки. М., 1973, с. 550.

также 85 сел), распределению во времени (тексты записывались в течение 100 лет, что само по себе говорит об устойчивой традиции бытования), по составу сказителей (около 200 мужчин и женщин различного возраста из разных регионов Армении) могут в определенной степени представлять национальный репертуар, а сделанные выводы — с известным допущением — характеризовать его.

Итак, в составленном нами Указателе идентифицировано 600 текстов, обнаружено 107 типов и подтипов. Это говорит о большом многообразии армянского сказочного репертуара: каждый шестой текст — новый тип сюжета. Поскольку аннотации сюжетов в Указателе снабжены перечнем источников, можно составить представление о частоте того или иного типа в репертуаре.

Сюжетное многообразие армянского сказочного репертуара создается присутствием, пусть даже небольшим количеством текстов, всех групп волшебных и новеллистических сказок. Приводимый список дает представление о составе репертуара:

- AT300—369 — «Чудесный противник» — 15 типов.
- AT400—459 — «Чудесный супруг» — 9 типов.
- AT460—499 — «Чудесные задачи» — 5 типов.
- AT500—559 — «Чудесный помощник» — 20 типов.
- AT560—649 — «Чудесный предмет» — 9 типов.
- AT650—699 — «Чудесная сила или умение» — 5 типов.
- AT700—749 — «Прочие чудесные мотивы» — 6 типов.
- AT850—869 — «Женитьба на царевне» — 2 типа.
- AT870—879 — «Девушка выходит замуж за царевича» — 6 типов.
- AT880—899 — «Верность и невинность» — 11 типов.
- AT910—915 — «Добрые советы» — 4 типа.
- AT920—929 — «Умные дела или слова» — 1 тип.
- AT930—949 — «Сказки о судьбе» — 6 типов.
- AT950—969 — «О разбойниках и убийцах» — 2 типа.
- AT970—999 — «Прочие новеллистические сказки» — 6 типов.

Как видно из приведенного перечня, распространенность сюжетов и тематических гнезд различна. Наиболее распространены сюжеты из раздела «Чудесный помещик». Особенно популярны «Благодарный мертвец» (AT506—50Г, 19 текстов), «Сын охотника» (AT5130, 12 текстов), «Перемена пола» (AT514, 6 текстов), «Верный друг» (AT516, 10 текстов), «Похищенная принцесса» (AT516A, 10 текстов), «Принцесса на стеклянной горе» (AT530, 7 текстов), «Поиски золотой птицы» (AT550, 8 текстов).

Среди волшебных сказок выделяется также раздел «Чудесный противник», в том числе «Сердце чудовища (дьявола) в яйце» (AT302, 16 текстов), «Сестра-людоед» (AT315A, 10 текстов), «24 брата и 24 невесты» (СУС—327В**, 11 текстов), «Сестра-спасительница» (AT311, 12 текстов), «Жизнь героя в его мече» (AT302В, 7 текстов), «Близнецы или братья по крови» (AT303, 7 текстов).

В группе новеллистических сказок чаще всего встречаются типы из раздела «Верность и невинность», в том числе «Не раз доказанная верность» (AT881, 12 текстов). «Нevinно оклеветанная девушка» (AT883A, 7 текстов), «Королевские дети» (AT892, 4 текста), «Учитель-вурдалак и камень жалости» (AT894, 4 текста) и др.

Сюжетный состав армянского репертуара включает в себя как популярные сюжеты из европейского, в том числе восточнославянского репертуара, так и типы, известные только в ближневосточном регионе, Индии.

Так, сюжеты AT302В «Жизнь героя в его мече», AT315A «Сестра-людоед», AT369 «Сын ищет исчезнувшего отца», AT516 «Верный друг», как это указано у Томпсона, зафиксированы в Индии (другие источники не указаны). Между тем в нашем корпусе эти типы, за исключением AT569, встречаются довольно часто — в 7—11 текстах. Это говорит о популярности сюжетов среди армянских сказителей. Тип

АТ369 встречается в нашем корпусе лишь дважды, но тут показатель-но не количество, а то, что он все-таки присутствует в репертуаре. Между тем его нет ни в Указателе грузинских сказов², ни в Сравнительном указателе сюжетов³.

Сказки «Похищенная жена» (АТ860В*), «Купленная жена» (АТ887А*), судя по Томпсону, встречаются только у Н. П. Андреева (т. е. в русском репертуаре), но есть они и в армянском репертуаре, причем тип 860В* особенно распространен, часто контаминируется с типом «24 брата и 24 невесты».

Составители Сравнительного указателя сюжетов восточнославянских сказок отмечают, что сюжет 301Д* «Солдат находит исчезнувшую жену» (о Португее-прапорщике), вместе с некоторыми другими типами, связан с давней рукописной традицией и встречается только в русских и восточнославянских записях, распространен также в литовской народной традиции (стр. 18). Как показало наше исследование, этот тип известен и в армянской традиции, причем знаменательно, что солдат-спаситель в одном тексте (АНС, т. VIII, № 20), записанном в 1915 г. в Одзуне (Восточная Армения), назван **Портапеем**—факт, который еще раз неоспоримо доказывает неисповедимость путей распространения как сказочных сюжетов, так и их вариантов и версий.

В процессе работы над Указателем выявились некоторые версии, которые сложились за время длительного бытования того или иного повествовательного типа.

В сказке «Три золотых сына», наряду с традиционным началом — «царь подслушал разговор трех сестер» — распространена и другая экспозиция: «отец по требованию мачехи увел и оставил в лесу трех дочерей; младшая, чтобы не быть съеденной сестрами, прорыла вход в царскую конюшню, стала брать изюм у коней для сестер; царь, заметив, что они худеют, подстерег и схватил девушку, которая обещала родить златокурых сыновей». Среди армянских сказок есть и разновидность, отмеченная в Указателе Томпсона, — о поющем дереве, говорящей птице и живой воде, добываемых героем.

Тип «Три похищенные принцессы» на армянском языке чаще встречается в «альтернативном», по выражению Томпсона, варианте 3011Д: «Дэв пожирал яблоки в царском саду. Царь велел сыновьям срубить дерево. Младший царевич ранил дэва, пожиравшего яблоки, вслед за ним спустился в яму, убил трех дэвов, освободил трех царевен и т. д. (10 текстов).

Из типов АТ506—507 «Благодарный мертвец» в армянском репертуаре чаще, чем другие варианты, встречается тип 507С*, отсутствующий у Томпсона, но в Сравнительном указателе сюжетов восточнославянских сказок выделенный как подтип. И в этом случае присутствует более распространенная версия (10 текстов): «Царь ослеп: ему было сказано, что его исцелит только кровь золотой рыбы. Царевич пожалел пойманную рыбу, отпустил ее». Далее АТ506I,V. Эта же версия зафиксирована у Эбергарда—Боратава под номером 62⁴, бытует она и в грузинском репертуаре⁵.

Армянские версии отдельных повествовательных типов выявляются также в сюжетных контаминациях. «Контаминация, т. е. соединение в одном произведении двух или нескольких сюжетов, во многом определяет сюжетное многообразие сказок, — пишет Н. Ведерникова, исследовательница русских сказок. — Контаминация расширяет творче-

² Т. Д. Курдованидзе. Сюжеты и мотивы грузинских волшебных и новеллистических сказок (Систематический указатель по Аарне—Томпсону). Сб. «Литературные взаимосвязи», т. 6, 1976.

³ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979

⁴ W. Eberhard, P. N. Boratav. Typen tukischer Volksmärchen, Wiesbaden, 1953.

⁵ Грузинские народные сказки. Кн. 1—2, М., 1988, № 64.

ские возможности сказочников, позволяет показать мастерство рассказчика, знание сюжетов, умение на основе знакомого традиционного материала построить произведение... Контаминация — это сложный художественный прием, владеть которым могут лишь сказочники-мастера с большим репертуаром»⁶. Н. М. Ведерникова рассматривает контаминацию как результат индивидуального творческого акта. Между тем, известны контаминации, ставшие традиционными в национальном репертуаре. Это отмечают и составители «Сравнительного указателя сюжетов», и Т. Курдованидзе в своем Указателе грузинских сказок (стр. 246, 252, 260). Имеются такие характерные контаминации и в армянском репертуаре, среди них: АТ311 «Сестра-спасительница»+А1956В «Умная девушка, оставшись дома одна, убивает разбойников», АТ315А «Сестра-людоед»+АТ321 «Возвращенные глаза», АТ325 «Чародей и его ученик»+АТ563 «Стол, осел и палка», 327В* «24 брата и 24 невесты»+АТ302 «Сердце чудовища в яйце», 327В*+АТ449 «Царская собака (Сиди-Науман)», 327В*+АТ860В «Похищенная жена», АТ402 «Жена-лягушка, мышь, кошка»+АТ465 «Муж преследуется из-за красавицы жены», АТ433 «Царевич-змей»+ГУ446 «Муж, умирающий на день», АТ451 «Девушка спасает своих братьев»+АТ450 «Маленькая сестра и маленький брат», АТ567 «Чудесное сердце птицы»+АТ566 «Три волшебных предмета и чудесные фрукты», АТ936* «Золотая гора»+АТ400 «Муж ищет исчезнувшую жену» и др.

Устойчивость этих контаминаций и их частота (не менее 8 текстов) говорят о том, что и здесь мы имеем дело с версиями, типичными для репертуара. В связи с такого рода образованиями составитель Сравнительного указателя сюжетов ставит вопрос: «Если какой-либо этнической традиции свойственны устойчивые контаминации, можно ли их считать вторичными, не изначально ли они?» (стр. 21). Вопрос этот может быть поставлен и в отношении армянских сказок, но ответ на него требует более широких исследований.

Остановимся на одной контаминации, представляющей интерес соединением международного сюжета с повествованием, имеющим локальное распространение: сюжет АТ433 «Царевич-змей» — Одзманук — часто продолжается рассказом о юноше, который умирает (окаменевает) днем и оживает ночью. Ареваманук («Солнечный юноша»), раздраженный неудачной охотой, выстрелил из лука в солнце, мать солнца прокляла его — лежать ему днем ни живым, ни мертвым и никогда не видеть солнца. Мать юноши надела железные сапоги, взяла железный посох, пришла к солнцу, чтобы вымолить ему прощение. Мать солнца велела ей взять воды, которой умывалось солнце, и оживить сына. Сюжет этот имеет мифологическое происхождение⁷. Вариант мотива, связанного с проклятием солнца, бытует в армянском фольклоре также в виде предания⁸.

В древности официальная религия армян включала культ солнца и луны. Еще в XII веке существовала секта солнцепоклонников («аревордик» — детей солнца)⁹. Но рассказчик конца XIX—начала XX вв., повествуя о солнце, которого мать кормит грудью, так же мало думал о мифологическом божестве, как и современный армянин, говорящий о заходе солнца «майрамут» (вход к матери). Согласно мифам, дворец Арева (солнца) находится на востоке, на краю света, вечером воспламененный и усталый Арев возвращается к матери¹⁰. Демифологизировавшись, солнце, подобно вишапу (дракону), дэву, является в сказке таким же персонажем, что и царь, дервиш или купец. И те, и

⁶ Н. М. Ведерникова. Русская народная сказка. М., 1975: с. 27.

⁷ Мифы народов мира. М., 1980—1982, т. 1: с. 112.

⁸ Ա. Ղափափափան, Հալիվափան և Կարմիր Մուկը, Երևան, 1969, էջ 9:

⁹ Мифы..., т. 1, с. 105, 112.

¹⁰ Там же. с. 112.

Другие плод художественного вымысла, действующего по законам художественного повествования.

Как было уже сказано, сюжет об Аревамануке, наказанном солнцем, контаминируется с сюжетом об Одзмануке. Дважды сюжет АТ433 сочетается с рассказом о юноше, который днем лежит ни живой, ни мертвый, так как его родители не выполнили своего обета перед богом. Таким образом, сохранился мотив — юноша не видит солнца, так как оживает только ночью, но нет мотива проклятия солнца и последующего его посещения матерью юноши. Здесь налицо, несомненно, результат сложного процесса бытования в репертуаре традиционных сюжетов, мотивов и реалий: демифологизация персонажей древнего мифа — солнца и солнечного юноши, появление новых мотивов вместо древних мифологических, возникновение прочных сюжетных сочетаний.

Сказка о солнечном юноше — Мзечабуки — бытует и в грузинском фольклоре¹¹. Т. Курдованидзе в своем указателе присвоил сюжету номер 446, так как этот тип отсутствует в каталоге Аарне—Томпсона¹². Под этим номером сюжет был введен и в наш Указатель. Этот факт — не единственное свидетельство близости армянского и грузинского сказочных репертуаров. Из 107 типов и подтипов, идентифицированных в нашем Указателе, 54 совпадают с сюжетами, зафиксированными Т. Курдованидзе в его Указателе сюжетов и мотивов и опубликованных в 2-х томах «Грузинских народных сказок»¹². И совпадение, и отличие — знаменательно. Совпадение — лишнее доказательство того, что два соседних народа находились в постоянном общении на всех уровнях, и в том числе на бытовом, заимствуя, перенимая друг у друга, наряду с элементами «традиционно-бытовой культуры»¹³, сюжеты и мотивы фольклора. Отличие еще раз подтверждает, что у каждого народа свой репертуар сказок, специфика которого в неповторимости сочетания повествовательных типов, в их частоте, в наличии характерных версий, типичных контаминаций. Пристрастие к определенным сюжетам, психологическим ситуациям, фабульным перипетиям, особым типам персонажей и характеризует сюжетный состав сказочного репертуара, бытующего на языке данного народа. Это относится и к армянскому репертуару. Изучение национального репертуара, его состава, его местной специфики открывает широкие возможности для его сопоставления со сказочным фольклором других народов, что в свою очередь позволит сделать очень важные выводы о путях распространения и характере бытования отдельных повествовательных типов.

Итак, сюжетный состав армянского репертуара волшебных и новеллистических сказок определяется его географическим местоположением — между Западом и Востоком — и историческими связями. Армянский репертуар во многом близок грузинскому, персидскому, турецкому репертуарам. Но немало в нем и сюжетов, общих с восточнославянскими и европейскими сказками. Наличие повествовательных типов, имеющих широкое международное распространение, характеризует армянский репертуар с точки зрения его исконности и традиционности. Таким образом, армянский репертуар объединяет и хранит сказки, рассказываемые в самых разных концах мира. И в этом его культурно-историческое значение как объекта глубоких и разносторонних исследований.

Ս. Ա. ԳՈՒԼԱԿՅԱՆ— Հայկական հեքիաթների սյուժեական կազմի հարցի շուրջ— Հայկական հեքիաթների ակադրտոարում հետազոտողներին գրա-

¹¹ Грузинские народные сказки, № 52.

¹² Т. Курдованидзе, Указ. соч., с. 248.

¹³ Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 74.

վել են առաջին հերթին այն հանրահայտ մոտիվներն ու սյուժեները, որոնք բացահայտվել են այլ ժողովուրդների բանավոր ստեղծագործություններն իրար հետ բաղդատելու ընթացքում: Որոշակի սյուժեների, հոգեբանական իրավիճակների, յուրահատուկ կերպարների նկատմամբ եղած հակվածությունն էլ բնորոշում է տվյալ ժողովրդի հեքիաթների սյուժեական կազմը: Այն վերաբերում է նաև հայկական հեքիաթներին: Ազգային ռեպերտուարի, նրա կազմի, տեղային առանձնահատկությունների ուսումնասիրությունը լայն հնարավորություն է ընձեռում տարբեր ժողովուրդների հեքիաթների համադրման միջոցով վեր հանել առանձին վիպական տիպերի, կերպերի տարածման ուղիները: Հրաշապատում և նովելիստական հեքիաթների հայկական սյուժեական կազմը պայմանավորում է արևմուտքի և արևելքի միջև աշխարհագրական դիրքով և պատմական կապերով: Հայկական հեքիաթները շատ կողմերով նրման են վրացական, պարսկական, թուրքական հեքիաթներին: Նրանում քիչ չեն նաև արևելասլավոնական և եվրոպական հեքիաթների սյուժեների հետ ունեցած ընդհանրությունները:

Համաշխարհային լայն տարածում գտած վիպական տիպերի առկայությունը հայկական հեքիաթներում բնութագրում է նրանց բնիկ տեղային և ավանդական էությունը: Հայկական ռեպերտուարը միավորում և պահպանում է իր մեջ աշխարհի տարբեր մասերում պատմվող հեքիաթները: Հենց դրանով էլ պայմանավորված է նրա մշակութային-պատմական արժեքը: